

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**АПОФАТИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(ФЕНОМЕН «ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ» В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА)**

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, А.С. Митронова³

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой общей и славянской филологии
Института славянской культуры*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Митронова Анна Сергеевна, старший преподаватель кафедры рекламы
и медиакоммуникаций факультета журналистики*

E-mail: annamillennium@mail.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Россия

³Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 03.12.2024

Объектом статьи выступает феномен апофатики в современной художественной культуре. Предметом научной работы является анализ процессов апофатизации и цифровизации в современном искусстве. Материалом послужило раннее творчество русского поэта и главного редактора журнала «Юность» Валерия Федоровича Дударева, представляющего поэзию конца 1990-х гг. В центре герменевтического анализа — известное стихотворение «Желтые заборчики», переложенное на музыку солистом из ансамбля Л. Утесова Анатолием Шамардиным и позднее проиллюстрированное видеорядом в форме музыкального клипа поэтессой Ниной Красновой. Актуальность предпринятого исследования обусловлена нарастающей необходимостью осмыслить новое положение поэзии, классической и современной, в медиапространстве, а именно онтологически и аксиологически проанализировать эту проблему «цифрового поворота» в искусстве, который сегодня приводит к массовизации и десакрализации поэтического слова. Авторы исследования уделяют большое внимание пограничным этосам в стихотворении поэта, феномену обратной перспективы, связанному в тексте с игрой цвета и света, что показывает необходимость культурфилософского и филологического анализов поэтического слова вопреки поверхностному прочтению, считыванию смыслов средствами современной медиасреды. В противовес процессу цифровизации, которая ведет к излишней доступности и массовости современного искусства, в культуре происходит противоположный процесс апофатизации творчества, требующий глубинной литературоведческой и культурологической рефлексии.

Ключевые слова: апофатика, обратная перспектива, творчество Валерия Дударева, русская поэзия XXI века, медиасреда

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-51-57

EDN: SKKMWL

Введение. Иногда мы не видим вблизи то, что необходимо увидеть, что *онтологически* важно. С. Есенин писал в своем знаменитом «Письме к женщине»: «Лицом к лицу // Лица не увидеть. // Большое видится на расстояньи» [6, с. 123]. Культурологически это можно понять через проблему *аурного* и *аретного* взгляда в искусстве, которую подробно разрабатывал филолог В.П. Раков, описывая меональность стиля М. Цветаевой [15, с. 88], а также через приемы *обратной перспективы*. С одной стороны, мы привыкли вглядываться в

детали, в чем, собственно, и состоит суть литературоведческого анализа, с другой стороны, иногда эти детали излишне отвлекают, переключая все внимание на себя, подобно тому как отвлекает нас от главного, метафизически важного, густой яркий и даже кричащий цвет во фресках храма. Об этом много размышлял о. П. Флоренский в работе «Обратная перспектива», где описываются все подводные камни в восприятии обратной перспективы в живописи, в иконописи:

«неправильные» и взаимно противоречивые подробности рисунка представляют сложный художественный расчет, который, если угодно, можно называть дерзким, но — никак не наивным» [17, с. 182-183]. Но необходимо, по замечанию филолога, также помнить о смене взгляда, точке зрения, которая постоянно перемещается. Важны при этом и детали, густой красочный центр: «...особенности рисунка тут не только не проскальзывают мимо сознания через применение в соответственных местах каких-нибудь нейтральных красок или смягченные общим цветовым эффектом, но, напротив того, выступают как бы с вызовом, почти крича на общем красочном фоне» [17, с. 180-181]. Но также важно общее впечатление, которое задается почти *невидимыми* метафизически значимыми линиями ассиста. Именно такая перспектива, характерная для русской иконописи, передает *незримое*, выражает сакральное пространство: «Таково свойство того духовного пространства: чем дальше в нем нечто, тем больше, и чем ближе, — тем меньше. Это — обратная перспектива» [17, с. 225]. В словесном творчестве этот прием мы также обнаружим, особенно он органичен для творчества поэтов Серебряного века, для эстетики и поэтики символистов. Эта туманность, неясность, выраженная в поэтическом языке символизма (преимущественно в местоимениях [2; 5]), связана с апофатикой творческого процесса. Исследователь в силу понятных причин и задач, поставленных ему наукой, стремится все рационально объяснить. Но филология (любовь к Логосу, понимание Логоса) теперь нуждается в обновлении и расширении литературоведческого аппарата, который должен соотноситься с проблемами апофатики культуры, ее имагинативного комплекса. И вот почему.

С одной стороны, мы наблюдаем «цифровой поворот» в искусстве, глобальная цифровизация дарит нам возможность посещать любые музеи мира, осматривать достопримечательности, знакомиться с культурами разных народов не выходя из дома, не покупая билет на самолет в Париж или Лондон. С другой стороны, отстраняясь от искусства, не проникая в его ауру, мы *не отстраняемся*, и в этом заключается большое упущение в имагинативном восприятии произведений мировой культуры, особенно живописи, иконописи, в которых важно опуститься, по наблюдению Ж.-Л. Марьона, за ватерлинию художественного вместе с автором, то есть «ниже уровня видимости» [12, с. 58]. Таким образом, *апофатический гори-*

зонт, то есть непостижимое в искусстве становится все более недостижимым с отпадением нас от лона сакральной космологии. Однако Логос, выйдя из апофатической сферы, дает нам надежду на приобщение к сакруму культуры. Конечно, мы помним великое тютчевское «Мысль изреченная есть ложь» (стихотворение «Silentium!»), потому что она уже высказана, само изречение не передает всей истинности в нем таящегося. Но в то же время, и это парадоксально, именно поэзия апофатична, поскольку нет поэзии без тайны. Об этом писали и философ С. Франк в фундаментальном труде «Непостижимое»: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [18, с. 55], и русский литературовед В. Кожин, размышляя о *космической* природе стиха: «...поэзия же схватывает то органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [7, с. 83]. Феноменальное и ноуменальное, явное и навное, дальнее и горнее всегда взаимосвязаны, как материальная и нематериальная культуры. Но как уловить эту точку перехода, понять, когда перед читателем ризомно мерцает иерофания? Иерофания, сакральная реальность, которая, по М. Элиаде, открывается человеку в определенный пороговый момент: «Человек узнает о священном потому, что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. <...> Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей» [21, с. 17]. Художественное слово позволяет максимально приблизиться к *апофатическому горизонту* культуры, то есть к непостижимым предельным абсолютам культуры (любовь, смерть, красота), особенно в России, поскольку Россия литературоцентричная страна, хотя характер этого литературоцентризма трансформировался, испытал на себе воздействие медиасреды [8], и эта проблема все чаще начала волновать современных филологов [9], философов [16] и историков [3; 19].

Методы исследования. В данной работе мы обращаемся к герменевтико-интерпретационному методу исследования поэтического текста, уделяя большое внимание этосам с пограничной семантикой. В центре герменевтического анализа стихотворение Валерия Федоровича Дударева «Желтые заборчики».

Результаты исследования. Мы теперь имеем почти неограниченные возможности мгновенно знакомиться с поэзией современных авторов, наблюдать за литературным процессом, который существует в том числе и в медиаформате. Не только теле- и радиопередачи, посвященные литературе, такие как «Вслух», «Игра в бисер» (телеканал «Культура»), «Формат юности» (радиопонда «Русский мир»), «О русском искусстве замолвите слово: назад в прошлое» (интернет-радиоканал фонда «Русский мир»), но и сами авторы своими усилиями, создавая ролики на свои стихи, свободно публикуясь в пабликах, на разных сайтах, например, «Стихи.ру», социальной платформе «ВКонтакте», на YouTube, способствуют тем самым активному распространению современного творчества. С одной стороны, это

позволяет нам быть осведомленными в плане литературных новинок, быстро ориентироваться на литературном рынке, с другой стороны, назревает проблема осмысления новых медиаформ, в которые облачается поэтическое слово, и этот разговор требует онтологического и аксиологического ракурса. Ярким примером того, как изменяется наше восприятие известного поэтического текста, попадающего в медиасреду, является стихотворение Валерия Дударева, современного русского поэта, главного редактора журнала «Юность» (2007–2019 годы), переложенное на музыку солистом из оркестра Утесова Анатолием Шамардиным и им же исполненное. Но важно то, что эту песню проиллюстрировала, создав видеоряд из фотографий, современный поэт Нина Краснова. Сам текст стихотворения выглядит так:

Желтые заборчики.
Синие оконца.
Столики дубовые.
Блинчики из солнца.

Небо отражается
В маленьком окне —
И оконце кажется
Целым небом мне!

И светлы наличники,
Все до одного!
Но светлее маслица
Нет ничего!

А когда потянутся
Клин, тоска и дым:
Лавочки — дубовые,
Все пересидим!

Палочки да прутики —
Только и всего!
Желтые заборчики
Детства моего [4, с. 97–98].

Видеоклип с песней А. Шамардина, в которой ни одно слово не изменено, начинается с картины русского застолья: за столом сидит известная поэтесса, а перед ней стоят тарелки с блинами. Фоторяд удачно подобран для этого, на первый взгляд, простого и хорошо иллюстрируемого стихотворения Валерия Дударева. Весьма соблазнительно «блинчики из солнца» сравнить с реальными блинами, воображение так и подсказывает этот *визуальный ход*. В фоторяд включены даже желтые заборчики, невысокие маленькие, почти

кукольные ограды, которые авторы клипа нашли в одном из заброшенных садов Подмоскovie. Кажется, что все понятно и видеоряд облегчает восприятие текста, но это мнимая простота, требующая большого интеллектуального напряжения.

Если пристально герменевтически всмотреться в стихотворение, то мы понимаем, что поэт держит нас в *апофатическом напряжении* — мы доподлинно не знаем, где мы находимся в художественном пространстве: в доме вместе с лирическим героем или вне его, то есть мы сразу не

можем определить точку зрения. Валерий Дударев любил «играть» с пространством, для него всегда были важны перепады, «верх» и «низ» (семиотически это точно выражалось в жестикуляции руки даже во время декламирования стихов); мир художественного пространства всегда соотносится с «представлениями автора, его замыслом и художественным методом» [10, с. 7]. В этом стихотворении две точки зрения, две пространственные локализации. Герой смотрит в дом с улицы, как бы заглядывая в окно (небо отражается в маленьком окне, в стекле, как в зеркале, мы видим облака). В этом случае мы следуем за ним с улицы — в дом, попадаем в *сакральное* пространство, и причем в его центр — к столу, а стол, по народным славянским представлениям, является одним из культурных кодов, значимых элементов традиционной культуры [1;13, с. 36]; стол как знак обладает семантической напряженностью, он аккумулирует духовные силы, соединяет мирское и священное, поскольку на стол ставят не только еду для повседневного употребления, но и подношения для предков. Таким образом, дом — этос жизни и смерти одновременно, и здесь этос, вслед за М. Хайдеггером, понимаем как *местопребывание*, жилище [20, с. 214–215]). В русской культурфилософской мысли эту хайдеггеровскую традицию развивает и дополняет в своих трудах В.П. Океанский, прочитывает этос как *на-селенную* в-селенную, культурно освоенный топос [14].

В стихотворении В. Дударева в доме, в пространстве стола, в свою очередь мы наблюдаем игру света и тени — блинчики из солнца являются не только реальным угощением из выпечки, что уловила визуально в ролике на стихи поэта Нина Краснова, но и кругами света, преломленного в маленьком окне, солнечными зайчиками. Через окно открывается потаенный интимный мир одного человека или семьи (показательны глаголы во множественном числе «потянутся», «пересидим»), и это тоже тонко проиллюстрировала поэтесса, подобрав фото большой филологической семьи журнала «Юность» из его архива.

Дом и стол, по мировым мифологическим представлениям, являют собой сакральное пространство, оберегающее человека. Лирический герой Валерия Дударева, возможно, ребенок, для которого весь мир со всеми предстоящими страстями и испытаниями «тоской, дымом» кажется огромным, и поэтому поэт намеренно уменьшает

все предметы для этого человека — заборчики, столики, оконца, блинчики. Ребенок, архетипически лиминальное существо, ищет защиты и опоры в доме. В этом случае такой вектор движения с улицы — в дом понятен, и первая строфа нас в этом убеждает. Окно — потайная дверь в дом, в него заглядывает лирический герой. Дальше мы следуем за ним в этот сакральный мир, молимся перед иконой (светлее маслица в лампадке нет ничего), переживаем рост души, становление личности этого человека — лавочки дубовые, *все пересидим*, то есть все перемелется, жизнь и смерть здесь сходятся (латентно здесь проявляется и фольклорный подтекст выражения «печки-лавочки», которое аккумулирует возникновение фигур Танатоса и Эроса). Из бытового домашнего пространства (блинов, столиков), которое тоже важно для поэта, мы попадаем в бытийное и инобытийное, на что указывает и маслица, которое светится неповторимым (фаворским) светом, оно светлее наличников, озаренных солнцем, и введение в текст онтологически и аксиологически важных категорий «тоска», «дым».

Герой смотрит в окно, которое теперь символизирует выход в инобытие, выход из дома — возврат и в детство, к своим истокам, на что указывает вновь появившийся образ ярких желтых заборчиков, и *в смерть*, в горнее пространство. В этом случае продуктивно вспомнить последнюю большую работу М.Ю. Лотмана «Культура и взрыв», в которой ученый пишет о взрыве в культуре как о чем-то *непредсказуемом*, когда «выбор будущего реализуется как случайность» [11, с. 22]. Таким *взрывом* в художественном пространстве в онтологическом смысле является тот самый желтый заборчик, выполняющий функцию границы, разделяющей дом и улицу, свое и чужое, мир детства и мир взрослого человека, бытие и инобытие. Эта деталь с кричащим желтым цветом, заставляющая удивиться читателя, поверить в то, что это стихотворение о детских впечатлениях, воспоминаниях ребенка, выполняет также функцию *мнимого центра* как на храмовых фресках, построенных по законам обратной перспективы. Читатель сам должен решить, по какую сторону этого заборчика он хочет оказаться. Интересно то, что у В. Дударева есть еще одно стихотворение (расположено в сборнике «Интонации» перед «Желтыми заборчиками»), в котором явно обыграна эта онтологическая *ситуация выбора*:

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле,
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.

Бывает: метель закрутит!
По снежной бредешь земле,
Думаешь: где-то люди
Сидят за чайком в тепле [4, с. 96].

Здесь также уже в большей мере обыгранна ситуация лотмановского «взрыва», которая ведет человека или к метафизической отрешенности, онтологическому одиночеству, или к возврату к своим корням, к очагу.

Вывод. Раннее стихотворение «Желтые заборчики» Валерия Дударева — неординарный по квинтэссенции смыслов текст. С одной стороны, он короткий и простой, на первый взгляд предельно понятный, без художественной вычурности, что характерно для поэзии Новейшего времени, с другой стороны, он онтологически напряженный, требующий глубинной культурфилософской и филологической рефлексий, необходимость которых становится очевидной, как ни странно, именно при визуализации этого текста. На примере онтогерменевтического анализа этого стихотворения показан его культурфилософский потенциал для изучения современного словесного космоса культуры, который сегодня существует в новых условиях медиапространства.

«Цифровой поворот» в искусстве амбивалентен, он дарует мнимую простоту в восприятии художественной культуры, десакрализуя в ней многие образы. По этим причинам в современной художественной культуре, литературе, которая стремится к визуализации, массовости с целью своей популяризации и доступности, протекают два процесса — цифровизация и апофатизация, и последняя, вполне возможно, перерастает в *онтологическую проблему*, связанную уже не только с познанием предельных абсолютов культуры через отрицание их предикатов как ложных или частично ложных, но и с тотальным отдалением от них, отпадением человека от сакрального космоса культуры. В этой связи проблема «цифрового поворота» в искусстве требует целостного освещения специалистами из разных областей гуманитарного знания с целью поисков решения надвигающейся цифровой катастрофы и предотвращения возможных неотвратимых ее последствий для бытия человека.

1. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
2. Беглярова, А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. — 2011. — № 2. — С. 66–71.
3. Гарскова, И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. — 2019. — № 3. — С. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251
4. Дударев, В. Интонации: стихотворения. — М.: Художественная литература, 2010. — 192 с.
5. Дударева, М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения Жираф) // Наследие веков. — 2020. — № 1. — С. 98–104.
6. Есенин, С. А. Письмо к женщине // Собр. соч.: в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. — Т. 2. — С. 122–125.
7. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Сов. Рос., 1980. — 304 с.
8. Кондаков, И. В. «Зричитель»: новый субъект современной культуры / И. В. Кондаков // Обсерватория культуры. — 2016. — Т. 3, № 5. — С. 516–525.
9. Красильников, Р. Л. Современная российская поэзия на телевидении (на примере передачи «Вслух») // Вестник МГПУ. — 2017. — № 4 (28). — С. 16–24.
10. Лихачев, Д. С. Художественная среда литературного произведения // Симпозиум «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве». Тезисы и аннотации. — Л.: Советский писатель, 1970. — 73 с.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010. — 704 с.
12. Марьон, Ж.-Л. Перекрестья видимого. — М.: Прогресс-традиция, 2010. 176 с.
13. Мороз, А. Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Традиционное русское застолье. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — С. 36–43.
14. Океанский, В. П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьевские исследования. — 2011. — Вып. 3 (31). — С. 125–136.

15. Раков, В. П. «Неизреченное» в структуре стиля М. Цветаевой // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. — Иваново: Ивановский государственный университет, 1998. — С. 87–101.
16. Симонова, С. А., Аталян, Г. Б. К вопросу об эволюции искусства в XX– XXI вв.: культурологический анализ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24, № 84. — С. 84–92.
17. Флоренский, П. Обратная перспектива // Иконостас. Избранные труды по искусству. — СПб.: МИФРИЛ, Русская книга, 1993. С. 175–281.
18. Франк, С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. — М.: АСТ, 2007. — 512 с.
19. Фролов, А. А. «Цифровой поворот» в исторической науке и историческая геоинформатика // Историческая информатика. — 2019. — №3. — С. 115–123. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.30770.
20. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
21. Элиаде, М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 144 с.

APOPHATIC HORIZON IN CONTEMPORARY ARTISTIC CULTURE (THE PHENOMENON OF «REVERSE PERSPECTIVE» IN THE POETRY OF VALERIY DUDAREV)

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, A.S. Mitronova³

*Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology,
Professor of the Department of General and Slavic Philology*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Anna S. Mitronova, Senior Lecturer, Department of Advertising and Media Communications,
Faculty of Journalism*

E-mail: annamillennium@mail.ru

¹Russian State University named after. A.N. Kosygin
Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

³University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy
Moscow, Russia

The object of the article is the phenomenon of apophaticism in modern artistic culture. The subject of the research is the analysis of apophatisation and digitalisation processes in contemporary poetry. The research material is based on the early literary essays by Valery Dudarev, a Russian poet and chief editor of magazine “Yunost”, a representative of the 1990’s poetry. The focus of the hermeneutic analysis is a widely known poem “Yellow Fences” set to music by Anatoly Shamardin, soloist of Leonid Utesov’s band, and further illustrated by a music video clip, as narrated by poetess Nina Krasnova. The relevance of the undertaken research is accounted for by the growing need to conceptualise the new status of poetry, classical and modern, in the media space, in particular, to analyse the problem of digital turn in art in ontological and axiological terms, since the latter is leading to massification and desacralisation of the poetic word today. Much attention is paid to hermeneutic reconstruction of life and death ethos in the poet’s verse, as well as the reverse perspective technique associated with the play of light and colour in the text. This shows the need for cultural, philosophical and philological analysis of the poetic word contrary to skimming, reading the sense through the tools of modern media environment. In counterbalance to the process of digitalisation which leads to excessive accessibility and massification of contemporary art, the culture is developing an opposite process of apophaticism of creative activities, which requires profound literary and culturological reflexion.

Keywords: apophatics, reverse perspective, works of Valery Dudarev, Russian poetry of the 21st century, media environment

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-51-57

EDN: SKKMWL

1. Bajburin, A. K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan (Dwelling in the Rites and Representations of the Eastern Slavs). — Leningrad: Nauka, 1983. — 188 s.

2. Begljарova, A. L. Neopredelennoe mestoimenie kak komponent obraznoj struktury hudozhestvennogo teksta (Indefinite Pronoun as a Component of the Figurative Structure of a Fiction Text) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Filologija i iskusstvovedenie. — 2011. — № 2. — S. 66–71.
3. Garskova, I. M. «Cifrovoy povorot» v istoricheskikh issledovanijah: dolgovremennye trendy (“Digital Turn” in Historical Research: Long-Term Trends) // Istoricheskaja informatika. — 2019. — № 3. — S. 57–75. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31251.
4. Dudarev, V. Intonacii: stihotvorenija (Intonations: Poems). — Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 2010. — 192 s.
5. Dudareva, M. A. Apofatika russkogo jazyka i kul'tury v tvorchestve N. S. Gumileva (na primere stihotvorenija Zhiraf) (Apophatics of the Russian language and culture in the works of N. S. Gumilev (on the example of the poem Giraffe)) // Nasledie vekov. — 2020. — № 1. — S. 98–104.
6. Esenin, S. A. Pis'mo k zhenshhine (Letter to a woman). In Sobr. soch.: v 7 t. Vol. 2. — Moscow: Nauka; Golos. 1997. — S. 122–125.
7. Kozhinov, V. V. Stihi i poezija (Poems and poetry). — Moscow: Sov. Ros., 1980. — 304 s.
8. Kondakov, I. V. «Zrichitel'»: novyj subekt sovremennoj kul'tury (“The Spectator”: a new subject of modern culture) // Observatorija kul'tury. — 2016. — Vol. 3. — № 5. — S. 516–525.
9. Krasil'nikov, R. L. Sovremennaja rossijskaja poezija na televidenii (na primere peredachi «Vsluh») (Contemporary Russian Poetry on Television (Based on the TV Show “Vslukh”)) // Vestnik MGPU. — № 4 (28). — S. 16–24.
10. Lihachev, D. S. Hudozhestvennaja sreda literaturnogo proizvedenija (Artistic Environment of a Literary Work) // Simpozium «Problemy ritma, hudozhestvennogo vremeni i prostranstva v literature i iskusstve». Tezisy i annotacii. — Leninograd: Sovetskij pisatel'. 1970. — 73 s.
11. Lotman, Ju. M. Semiosfera (Semiosphere). — Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2010. — 704 s.
12. Mar'on, Zh.-L. Perekrest'ja vidimogo (Crossroads of the Visible). Moscow, Progress-tradicija, 2010. — 176 s.
13. Moroz, A. B. Stol v severnorusskikh pover'jah i obrjadah (Table in Northern Russian Beliefs and Rituals) // Tradicionnoe russkoe zastol'e. — Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2008. — S. 36–43.
14. Okeanskij, V. P. Jetosy zhizni i smerti u Homjakova i Shopengaujera (kul'turologicheskie razmyshlenija k obosnovaniju sopostavlenija) (Ethoses of Life and Death in Khomyakov and Schopenhauer (Cultural Reflections on the Substantiation of Comparison)) // Solov'evskie issledovanija. — 2011. — Vyp. 3 (31). — S. 125–136.
15. Rakov, V. P. «Neizrechennoe» v strukture stilja M. Cvetaevoj (“The Unspeakable” in the Structure of M. Tsvetaeva’s Style) // Voprosy ontologicheskoy pojetiki. Potaennaja literatura: Issledovanija i materialy. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. 1998. — S. 87–101.
16. Simonova, S. A., Ataljan, G. B. K voprosu ob jevoljucii iskusstva v XX– XXI vv.: kul'turologicheskij analiz (On the evolution of art in the 20th–21st centuries: a cultural analysis) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. — 2022. — Vol. 24. — № 84. — S. 84–92.
17. Florenskij, P. Obratnaja perspektiva In Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu (Reverse perspective). — Sankt-Peterburg, MIFRIL, Russkaja kniga, 1993. — S. 175–281.
18. Frank, S. L. Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii (The Incomprehensible: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion). — Moscow: AST, 2007. — 512 s.
19. Frolov, A. A. «Cifrovoy povorot» v istoricheskoy nauke i istoricheskaja geoinformatika (“Digital turn” in historical science and historical geoinformatics) // Istoricheskaja informatika. — 2019. — №3. — S. 115–123. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.30770.
20. Hajdegger, M. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija (Time and Being. Articles and speeches). — Moscow: Respublika, 1993. — 447 s.
21. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe (Sacred and secular). — Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. — 144 s.